

Известие о том, что Гу Янь три дня подряд устраивает истерики дома, всё же дошло до Гу Чуаня. В этом доме был только один человек, способный перекричать остальных — и это был он. Никто больше не решался возражать или уговаривать.

За три дня Гу Янь успел перебить почти всю посуду в особняке.

Госпожа Гу и Чжоу Цзиншуо лишь прятались от него.

Гу Чуань вошёл в дом, не сняв даже мундир. От него тянуло кожей и кровью — тяжелым, властным запахом.

Без лишних слов подошёл и залепил сыну несколько звонких пощёчин.

Если раньше, до ухода из дома, Гу Янь хоть немного ощущал к Гу Чуань ту врождённую сыновнюю покорность, то, вернувшись в родовое поместье и получив отца пощёчину, он испытал только одно — ярость. С чего вдруг Гу Чуань решил, что имеет право его ударить?

Два альфы, схлестнувшись, наполнили всю усадьбу густым, как гарь, запахом информации — воздух дрожал от напряжения. Чжоу Цзиншуо едва мог дышать, а госпожа Гу, омега, и вовсе потеряла сознание. Вскоре выяснилось — она беременна. Только это и заставило соперников отступить.

Врачи предположили: скорее всего, родится альфа, и не самого низкого ранга.

После этого взгляды на Гу Яня изменились. И отношение — тоже.

Гу Чуань больше не держал сына в ежовых рукавицах. Госпожа Гу продолжала баловать его, исполняя любую прихоть, но теперь в её заботе появилась осторожность. Раньше она боялась задеть чувства сына, теперь же — боялась, что он заденет её.

Гу Янь был раздражён. Чтобы развеяться, Чжоу Цзиншуо потащил его в закрытый клуб.

С неба начинал капать мелкий дождь. Шофёр, открыв дверцу, молча поднял над ним зонт и остался стоять по стойке смирно.

Гу Янь встал, лениво стряхнул с плаща пару капель и под приветственные поклоны служащих вошёл в здание.

Отточенный крой подчёркивал его фигуру: широкие плечи, узкая талия — всё как по лекалу.

Высокие скулы, чёткая линия подбородка, резкие черты. В спокойствии его глаза казались бездонно-чёрными, а высокий рост придавал взгляду снисходительность и холодную отстранённость.

Холодный, гордый, неприступный — такие альфы, как он, словно рождены быть над всеми.

Слуга открыл дверь в VIP-комнату. Внутри уже сидели несколько человек — знакомые лица вперемешку с новыми: среди них и те, кто давно искал повода приблизиться к нему. Увидев, что Чжоу Цзиншуо привёл самого Гу Яня, все сначала переглянулись, поражённые, а потом один за другим подошли поздороваться.

Большинство были ровесники — молодые, с выученными улыбками. Уселись вокруг, обступив его плотным кольцом, лили в бокал.

— Macallan M Black и Corper, выдержка, хранили несколько лет, — один из альф уже наливал виски, — специально открыли ради подполковника Гу. Надеюсь, вкус оцените?

Соперничество между альфами пронизывает всё — от взглядов до жестов. А уж если ты альфа ранга S, чей феромон одним присутствием придавливает остальных — пить или не пить крепкий алкоголь в компании себе подобных становится вопросом престижа.

Откажись — и сразу станешь посмешищем. Ну и где ты, «топовый альфа», если от пары глотков сносит башню? Не ровня им, выходит.

Гу Янь приподнял уголок губ, будто слушал особенно нелепый анекдот. Он беззаботно закинул одну ногу на другую и лениво махнул рукой — бокал тотчас оказался у него в пальцах.

Некоторые из присутствующих пытались завязать знакомство, но не слишком навязчиво: разговор скользнул в привычную зону — военные темы, оружие, последние операции. Время от времени сквозь это проскакивали завуалированные комплименты в адрес Гу Яня.

После пары рюмок и разданных сигар обстановка заметно потеплела. Шутки, смех, расслабленные жесты. Кто-то пустился обсуждать сына министра, который завёл роман с омегой-актером из шестого сектора, несмотря на свою помолвку с подходящей по статусу девушкой. Итог — скандал, отлучение от дома, позор семье.

В комнате раздался дружный хохот. Поднявшийся дым от сигар затуманил лица — самодовольные, расслабленные, надменные.

Гу Янь сидел спокойно. Левая рука с бокалом небрежно лежала на колене, правая — с сигарой — покоилась на спинке дивана. Он молчал, одним глотком осушил пол бокала. Почти полгода он не прикасался к такому алкоголю — крепкий виски обжёг горло, наполнил глаза влагой. Он втянул дым, чтобы заглушить подступающий кашель.

— Ха-ха, он что, слишком долго был в шестом секторе и решил, что равенство — это про нас? Забыл, что мы — аристократия, и точка.

— Честно, я теперь боюсь с ним здороваться, как бы кто не подумал, будто мы знакомы.

— Опозорил всех нас. Собрался жениться на каком-то сомнительном омеге... Да тому омеге впопору молиться на такую честь, его предки бы в гробах перевернулись от радости!

— А я с ним в одном универе учился. Теперь стыдно вспомнить.

И снова — смех. На этот раз — с откровенным взглядом на Гу Яня:

— Говорят, подполковник Гу тоже завёл себе омегу в восемнадцатом, но быстро поставил точку. Вот это — настоящий альфа! Нам есть чему поучиться.

— Настоящий альфа не станет ради прихоти жертвовать карьерой и именем.

Гу Янь чувствовал, как алкоголь ударяет в голову. Он снова опрокинул бокал, осушив его до дна.

Один этот бокал стоил тридцать восемь тысяч. За эти деньги Сюй Сяочжэнь мог бы целый год таскать утиль в промозглом ангаре, не отрываясь ни на еду, ни на сон. Гу Янь вдруг осознал, насколько нелепо было то, что он вообще допустил сближение. Смешно — приравнять того к себе.

Он должен как можно скорее отправиться в военный округ, приступить к практике, доказать, что звание, полученное благодаря отцу, стало его по праву. Дать понять всем: прошлые слабости не поколеблют его позиции. Он — вершина имперской иерархии альф, с высшими генетическими показателями, будущее военного командования.

А не человек, запутавшийся в чувствах к ничтожному омеге без всякой ценности.

Когда Сюй Сяочжэнь снова открыл глаза, уже невозможно было сказать, какой по счёту это день. Дождь давно прошёл. Он с трудом поднялся с земли. Ветер был мягкий, небо — ясное до хрустальной прозрачности. Солнце согревало так приятно, что хотелось просто стоять и греться.

Трава и цветы на земле чуть примялись, но всё вокруг выглядело странно чистым: ни тел, ни следов крови, ни рассыпанных гильз — будто ничего и не было. Как вымытая улица после долгого ливня.

Жаркий ветер трепал его волосы, открывая глаза — в них плыло растерянное выражение. Если бы не стянувшиеся коркой раны на руках и ноющее тело, он бы решил, что просто задремал на склоне.

Сюй Сяочжэнь постоял, огляделся, хлопнул по штанам — пыль, въевшаяся после дождя, не отряхивалась, только стирать. А у него ведь одна-единственная рубашка, школьная.

Он шагнул пару раз, медленно, разминаясь. Потом прищурился на солнце — и внезапно рванул вперёд.

Полдень! Уже полдень! Чжоу Янь один дома, его надо покормить. Иначе разозлится.

Наверное, он вчера вечером, когда пошёл собирать хлам, упал, вот и проспал прямо на склоне. Чёрт, как можно было проспать до самого полудня? Чжоу Янь же голодный! Он ведь совсем не умеет готовить.

Запыхавшись, Сюй Сяочжэнь добежал до дома. Железная крыша протекала в нескольких местах — после дождя вода набежала, пол до сих пор влажный. Но в доме было тихо. Ни следа Чжоу Яня.

Он с ходу кинулся к плите — на скорую руку сварил два блюда и суп: нежную говядину с грибами, хрустящий сельдерей с тофу и томатно-яичный суп. Поставил мягкий, ароматный рис — как любит Чжоу Янь. Горячее, сытное, мясо и овощи в идеальном балансе.

Закончив, он уселся рядом, обняв колени.

Его тонкий, бледный подбородок лег на скрещённые руки. Тело чуть покачивалось вперёд-назад. Он не отрывал взгляда от двери.

А Чжоу Янь? Почему он до сих пор не вернулся? Почему не идёт есть?

Наверное, обиделся? Да, точно, снова обиделся, он же постоянно злится.

Но даже злой — он же должен вернуться домой. Иначе как Сяочжэнь сможет извиниться?

Он медленно повёл шеей, размял затёкшие мышцы и огляделся. Комната была в беспорядке — покосившиеся шкафы, грязные пятна, общее ощущение запустения. В таком доме Чжоу Яню, конечно, не захочется оставаться. Он только разозлится сильнее. А значит, нужно привести всё в порядок.

Сюй Сяочжэнь не отрывал взгляда от двери, вглядываясь в улицу, но параллельно начал уборку. Намочил тряпку, встал на колени и тщательно вытирал отпечатки ног и засохшую

кровь. Заклеил трещины на шкафу, подлатал дырки в стене, насколько мог.

К тому моменту, как он закончил, небо за окном потемнело. Приготовленные им блюда — грибы с говядиной, овощи, суп и рис — давно остыли. Чжоу Янь так и не пришёл.

Прошёл день. Потом ещё один. День сменялся ночью, потом снова рассвет. Он разогревал еду, потом снова — и снова, пока она не испортилась. С отрешённым видом он съел всё сам, механически, почти без вкуса. Он всё время поглядывал на дверь — вдруг Чжоу Янь вернётся. В прошлый раз, когда он съел прокисший обед, тот сильно его отругал.

Помыв посуду, он готовил новый ужин и продолжал ждать. Всё повторялось. Еда снова портилась.

Во второй раз, когда из кухни уже опять тянуло кисловатым запахом, в дом вошёл Юань Нанань. В руках у него был букет белых цветов. Он открыл дверь, шагнул внутрь — и застыл. В следующую секунду закричал.

Перед ним стоял Сюй Сяочжэнь — грязный, неузнаваемый. Его волосы слиплись от крови и глины, словно он вылез из земли. Правая рука — в порванном рукаве, с засохшими тёмно-красными пятнами. Он похудел настолько, что лицо стало угловатым, глаза запали, кожа под ними потемнела, губы потрескались до крови. Он выглядел хуже уличной собаки.

— Сюй Сяочжэнь?! Ты живой?! — выдохнул он. — Я же приходил пару дней назад, хотел забрать у тебя тетрадь — а там кругом кровь, гильзы, всё пусто. Я думал, ты умер, понимаешь? Я даже цветы принёс, чтобы... ну... попрощаться.

Сюй Сяочжэнь медленно выглянул из-за стола и долго смотрел на него, будто не сразу узнал. Потом, всё так же растерянно, сказал:

— Я не умер...

— Ты что тут делаешь?.. Как ты себя довёл до такого состояния? — Голос Юань Нананя дрожал от ужаса и раздражения.

Сюй Сяочжэнь помолчал. Потом тихо, будто изнутри:

— Я жду, когда Чжоу Янь вернётся домой... поесть.

Юань Нанань подскочил и схватил его за плечи, начал трясти.

— Что произошло, а?! Ты с ума сошёл? Совсем рехнулся? Даже если ты ждёшь Чжоу Яня, зачем доводить себя до такого?! Где он вообще? Сколько дней его уже нет? Он что, бросил тебя

и сбежал?

— Вот ведь... я же говорил, что на него нельзя положиться!

Сюй Сяочжэнь не сопротивлялся. Он просто сидел, опустив голову, как тряпичная кукла, которую трясут, а она не отвечает.

Где Чжоу Янь?

Ушёл в гнев... да.

Нет. Не так...

Кровь. Пистолеты. Пули. Чжоу Янь...

Мёртв.

— Говори что-нибудь! Скажи хоть слово! — закричал Юань Нанань. — Через неделю экзамены, ты помнишь?! Ты что творишь? Собираешься всё просто бросить?

Сюй Сяочжэнь медленно поднял руки. Неуклюже прижал их к груди, чуть левее центра. Пальцы дрожали, движения были неловкими, отрывистыми — как у ребёнка. Голос — сдавленный, рваный, но в нём сквозила ясность:

— Я вспомнил... Чжоу Яня... его... там... ножом... сюда... они его...

Юань Нанань застыл. Глаза расширились, губы пересохла — он провёл по ним языком, будто этим мог справиться с подступающим ужасом.

— А... а тело? — спросил он почти шёпотом. Эти два слова прозвучали особенно тихо, осторожно, словно он боялся, что этим окончательно разрушит Сюя.

— Его нет.

Так много дней он ждал. Думал — ссора, недопонимание, обида. Просто ушёл, просто злится. Ждал, что дверь откроется и Чжоу Янь вернётся.

А теперь... он вспомнил.

Чжоу Янь не ушёл.

Он умер.

Он слишком долго спал на том склоне. Так долго, что забыл, что на самом деле произошло.

<http://bllate.org/book/14462/1279138>